

И.О. Родин, Т.М. Пименова

Доктор Живаго
Краткое изложение

Первая книга

Часть первая
Пятичасовой скорый

На кладбище — пышные похороны Марии Николаевны Живаго. На холмик над могилой матери поднимается десятилетний сын Марии Николаевны Юра. «Его курносое лицо исказилось. Шея его вытянулась. Если бы таким движением поднял голову волчок, было бы ясно, что он сейчас завоет. Закрыв лицо руками, мальчик зарыдал». К Юре подходит его дядя, брат Марии Николаевны, Николай Николаевич Веденяпин, расстриженный священник, а теперь — сотрудник издательства. Николай Николаевич уводит мальчика прочь. Они ночуют в одном из монастырских покоев, чтобы на другой день уехать на юг России, в Поволжье. Ночью Юру будит стук в окно. На дворе бушует вьюга. «С неба оборот за оборотом бесконечными мотками падала на землю белая ткань, обвивая ее погребальными пеленами. Вьюга была одна на свете, ничто с ней не соперничало». Мальчику то кажется, что их келью занесет, то представляется, что могилу мамы заметет так, что «она бессильна будет оказать сопротивление тому, и уйдет еще глубже и дальше от него в землю». Юра плачет, дядя говорит ему о Христе, утешает его.

Детская жизнь Юры прошла «в беспорядке и среди постоянных загадок». Он не знал, что отец бросил семью, пустил по ветру их миллионное состояние. Мать заболела чахоткой и стала часто ездить во Францию на лечение, оставляя сына на попечение чужих людей. После ее смерти мальчик долго не может прийти в себя. Юра часто молится о маме, просит Господа взять ее в рай, плачет, зовет ее с неба в тоске, настолько изводит себя постоянными переживаниями, что временами теряет сознание. Об отце Юра не молится. Юре хорошо только с дядей, «человеком свободным, лишенным предубеждения против чего бы то ни было непривычного».

Николай Николаевич привозит Юру в Дуплянку, имение фабриканта и покровителя искусств Кологривова, к своему знакомому педагогу и популяризатору полезных знаний Воскобойникову. У Воскобойникова живет и воспитывается Ника (уменьшительное от Иннокентий), сын террориста Дудорова, отбывающего каторгу, и грузинской княжны Нины Эристовой, молодой, взбалмошной женщины, постоянно увлекающейся «бунтами, бунтарями, крайними теориями, знаменитыми артистами, бедными неудачниками». Ника — «странный мальчик». Ему около четырнадцати лет. Ему надоело быть маленьким. В состоянии возбуждения он громко разговаривает сам с собой. Нике иногда кажется, что он всемогущ, что может повелевать природой (приказывает осинке перестать трепетать листочками, и та замирает в неподвижности). Ника чувствует сильное влечение к дочери хозяина имения Наде Кологривовой. Не в силах справиться с собственным характером, Ника грубит, задирает Надю, грозит, что утопит ее, бросит гимназию, уедет в Сибирь и начнет настоящую жизнь, станет зарабатывать тем, что поднимет восстание. И Ника и Надя понимают бессмысленность происходящих между ними ссор.

В поезде из Оренбурга в Москву едет с отцом одиннадцатилетний мальчик Миша Гордон. Миша с детства понял горькую истину, что евреем в России быть очень неприятно. Быть евреем, по мысли маленького Миши, значит «бросать вызов, ничего не приносящий, кроме горя». Миша относится к взрослым с подозрением, презирует их, мечтает, что, когда вырастет, распутает проблемы, созданные ими (еврейский вопрос). Неожиданно отец Миши дергает стоп-кран. Поезд останавливается. Только что с подножки спрыгнул

человек, который все время путешествия заходил к ним в купе, подолгу беседовал с Мишиным отцом, советовался с ним относительно векселей, дарственных и банкротств. Миша слышал, как этот нервный человек удивлялся полученным сведениям и уверял, что у его адвоката совсем другой, более мрачный взгляд на вещи. За странным попутчиком приходит этот самый адвокат и уводит его, объясняя Мишиному отцу, что это «известный богач, добряк и шалопут, уже наполовину неменяемый» по причине серьезного алкоголизма. Человек же дарил Мише подарки, рассказывал о своей первой семье, где у него рос сын, ровесник Миши, о покойнице жене, которую он бросил, бледнел от ужаса, заговаривался. Вдруг он спрыгнул с поезда. Адвокат (его фамилия Комаровский), кажется, ничуть не удивляется. У Миши даже складывается впечатление, что самоубийство его клиента во всех смыслах адвокату на руку, что Комаровский старательно толкал его к последнему шагу. Спустя много лет Миша узнает, что самоубийца — отец его будущего самого близкого товарища Юры Живаго.

Часть вторая

Девочка из другого круга

В Москву с Урала приезжает Амалия Карловна Гишар, вдова инженера-бельгийца, с двумя детьми Ларой и Родей. По совету адвоката Комаровского, друга покойного мужа, Гишар покупает швейную мастерскую, чтобы уберечь от таяния свои капиталы. Комаровский также советует определить Родю в корпус, а Лару — в гимназию. При этом он так заглядывается на девочку, что та краснеет. Некоторое время Гишар с детьми живет в грязных номерах «Черногория», расположенных в трущобах. Гишар безумно боится нищеты и мужчин, при этом постоянно попадает от них в зависимость. Очередным ее любовником становится Комаровский. Чтобы их свиданиям не мешали дети, Гишар отправляет Лару с Родей на несколько часов в день к соседу по номерам, виолончелисту Тышкевичу.

Вскоре Гишар переезжает в небольшую квартирку при мастерской. Лара близко сходитя с Олей Деминой, своей подругой по гимназии, подрабатывающей в мастерской. Комаровский начинает оказывать Ларе недвусмысленные знаки внимания. Лара пытается этому сопротивляться, потому что боится матери и потому что понимает, что связь с Комаровским окажет ужасное влияние на ее судьбу. Однако их близость вскоре становится фактом. Лара чувствует себя падшей женщиной из французских романов. Комаровский с удивлением обнаруживает, что его роман с Ларой перерастает из обычного волочения за невинной девочкой и ее соращения в нечто большее. Комаровский не может жить без Лары, стремится устроить ее жизнь. Лара находится в постоянном смятении. Она пытается найти утешение в религии, ей кажется что слова «завидна участь растоптанных» сказаны Христом про нее. Лара учится в одной гимназии с Надей Кологривовой. За Ларой начинает ухаживать Ника Дудоров, приятель Нади. Ника не интересен Ларе, поскольку слишком похож на нее — такой же прямой, гордый, неразговорчивый.

Квартира и мастерская Гишар находятся недалеко от Брестской железной дороги. Здесь же живет и Оля Демина со своей семьей (она дочь железнодорожного служащего), и дорожный мастер привокзального участка Павел Ферапонтович Антипов, и машинист Кипреян Савельевич Тиверзин. Тиверзин заступается за сына дворника Гимазетдина Юсупку, которого постоянно избивает мастер Худолеев. Антипов и Тиверзин входят в состав рабочего комитета, инициирующего забастовку на железной дороге. Вскоре Антипова арестовывают. Его сын Паша, который учится в реальном училище, остается один с глухой теткой. Тиверзины забирают Пашу к себе. Он очень аккуратный и веселый мальчик. Его берут с собой на демонстрацию. На демонстрацию налетают казаки, избивают людей. Это — осень 1905 года. В городе идут уличные бои.

Паша Антипов через Олю Демину (внучку старухи Тиверзиной) знакомится с Ларой. Он покорен девушкой. Паша во всем ей подчиняется, боготворит свою любимую, не умеет

скрывать свои чувства. Лара пользуется влиянием, оказываемым ею на Пашу. Тем не менее она понимает, что их с Пашей разделяет пропасть, поскольку она психологически намного взрослее его. У нее на глазах ребята играют в войну. «Мальчики играют», — думает Лара — но не о Паше и Нике, а обо всем стреляющем городе. Спасаясь от стрельбы, Гишар переезжает с детьми на некоторое время обратно в номера «Черногория».

Николай Николаевич определяет Юру в московскую семью своего друга профессора Громеко. Николай Николаевич читает лекции, пишет книги (в пользу политических ссыльных). Приезжая в Москву, он останавливается у своих дальних родственников Свентицких. Николай Николаевич вводит Юру в круг детей своих знакомых. Вскоре у детей складывается «такой триумвират — Юра, его товарищ и одноклассник гимназист Гордон (Миша) и дочь хозяев Тоня Громеко. Этот тройственный союз... помешан на проповеди целомудрия». Александр Александрович и Анна Ивановна Громеко, родители Тони, были «образованные люди, хлебосолы и большие знатоки и любители музыки». Они часто приглашают музыкантов, устраивают камерные вечера. Во время одного из таких вечеров Александра Александровича и приглашенного им виолончелиста Тышкевича просят срочно приехать в «Черногорию». Александр Александрович берет с собой Юру и Мишу Гордона. В номерах мальчики застают тягостное зрелище. Амалия Гишар отравилась, но неудачно. Она театрально рыдает на руках у Тышкевича. Приезжает Комаровский, Гишар оказывают помощь. Юра замечает за перегородкой комнаты Лару. Ее красота поражает Юру. Его неприятно задевает и то, как общаются между собой Лара и Комаровский — он представляется Юре кукольным, а она — марионеткой. Когда мальчики выходят на улицу, Миша рассказывает Юре, что Комаровский — тот самый адвокат, что «помог» отправиться на тот свет отцу Юры. Но Юра в этот момент думает не об отце и прошлом, а о Ларе и будущем.

Часть третья **Елка у Свентицких**

Александр Александрович дарит Анне Ивановне громоздкий гардероб, внешне напоминающий катафалк. Собирать его зовут дворника Маркела. Маркел приходит со своей маленькой дочкой Маринкой. Анна Ивановна принимается помогать Маркелу, гардероб разваливается, Анна Ивановна больно расшибается. С этого падения начинается ее предрасположенность к легочным заболеваниям.

Весь ноябрь 1911 года Анна Ивановна болеет воспалением легких. К этому времени Юра, Миша и Тоня заканчивают университет. Юра — медик, Миша — филолог, Тоня — юрист. Юра пишет стихи, мечтает о книге прозы, но полагает, что искусство не может быть профессией. Он «прощал этим стихам грех их возникновения за их энергию и оригинальность». Юра отказывается от части отцовского наследства, поскольку по его мнению, это «дугая тяжба». Наследства как такового нет, отец все промотал. Юра узнает о том, что у отца была вторая семья, что у него есть сводный брат Евграф. Юра отказывается отнимать имущество отца у брата, ему хочется обеспечивать себя самостоятельно. Анне Ивановне становится все хуже. Юра, по-прежнему живущий в семье Громеко, пытается оказать ей медицинскую помощь, но Анне Ивановне от него нужно совсем другое. Она говорит, как тоскливо и страшно ей перед лицом приближающейся смерти. Юра «экспромтом читает целую лекцию» о воскресении душ умерших. По его мысли, «человек в других людях и есть душа человека... В других вы были, в других вы и останетесь... потом это будет называться памятью... Смерти нет. Смерть не по нашей части... талант это другое дело, это наше, это открыто нам. А талант — в высшем широчайшем понятии есть дар жизни». Юра ссылается на Иоанна Богослова, утверждая, что «смерти не будет, потому что прежнее уже прошло... а теперь требуется новое, а новое есть жизнь вечная». Под влиянием спокойной речи Юры Анна Ивановна засыпает. Ей становится все лучше, болезнь отступает. Анна Ивановна часто зовет к себе Тоню и Юру, рассказывает им о своем детстве, проведенном на Урале, в имении Варыкино. Она

вспоминает кузнеца Вакха, который, по преданию, будто бы выковал себе новые, железные, внутренности, после того, как прежние ему отбили в драке. Несмотря на то что во время рассказа у Анны Ивановны начинается приступ, она настаивает на том, чтобы Тоня и Юра, как и собирались, ехали в новых нарядах на елку к Свентицким. Прежде чем молодые люди покидают ее комнату, Анна Ивановна неожиданно благословляет их, прося в случае ее смерти пожениться, поскольку они созданы друг для друга.

Лара решает порвать с Комаровским и найти себе честный заработок (до этого Комаровский ее содержал). Надя приглашает Лару стать воспитательницей своей младшей сестры Липы. Кологривовы очень богаты, они щедро оплачивают труд Лары, при этом все в доме любят ее как родную. Ларе удается скопить солидную сумму. Однако через три года «Лариной беззаботности» к ней приезжает младший брат Родя. Он требует от Лары денег для погашения своего карточного долга, угрожая иначе пустить себе пулю в лоб. Лара выговаривает Роде за то, что он чересчур легко относится к деньгам, особенно к ее деньгам, заработанным честным трудом. Родя намекает, что виделся с Комаровским, что тот готов в обмен на возобновление отношений с Ларой выдать Роде требуемую сумму. Лара отказывается, отдает брату свои сбережения, а недостающее одалживает у Кологривова. Взамен Лара отбирает у Роди револьвер. На досуге она упражняется в Дуплянке (имении Кологривовых) в стрельбе в цель, добивается значительной меткости.

Липа становится взрослой. Лара чувствует себя лишней в доме Кологривовых, но никак не может отдать долг, поскольку тайно от своего жениха Паши Антипова помогает ему материально (оплачивает большую долю его квартплаты). Денежные затруднения сильно расстраивают Лару, ей хочется все бросить, расстаться с Кологривовыми, вернуть им деньги и уехать в глубинку. С этой целью она решает просить денег у Комаровского. Ларе кажется, что после всего случившегося между ним и ею, Комаровский должен помочь ей просто по-рыцарски, не требуя ничего взамен. Лара узнает, что Комаровский будет на елке у Свентицких. Она берет Родин револьвер, чтобы стрелять в Комаровского, если тот начнет оскорблять ее. Перед поездкой к Свентицким Лара заезжает к Паше в Камергерский проезд, просит его обвенчаться с ней как можно быстрее, не вдаваясь в подробности, говорит, что у нее затруднения, помочь выбраться из которых ей может только Паша. Паша дает согласие. При их разговоре Паша ставит на окно свечу (Лара любит разговаривать в полумраке). «Комната наполнилась мягким светом. Во льду оконного стекла на уровне свечи стал протавить черный глазок». Лара отправляется к Свентицким. В это же время по Камергерскому проезжают в санях Тоня с Юрой, направляющиеся на елку. Проезжая по Камергерскому, Юра обращает внимание «на черную протаявшую скважину в ледяном наросте одного из окон. Сквозь эту скважину просвечивал огонь свечи, проникавший на улицу почти с сознательностью взгляда, точно пламя подсматривало за едущими и кого-то поджидало. «Свеча горела на столе. Свеча горела...» – шептал Юра про себя начало чего-то смутного, неоформившегося, в надежде, что продолжение придет само собой».

Тоня на балу у Свентицких танцует с Юрой. Она очаровательна. Юра потрясен тем, что она, его старинный товарищ, «оказалась самым недостижимым и сложным из всего того, что он мог себе представить — женщиной». Юра взволнован, он прижимает к губам Тонин платок, закрывает глаза, наслаждаясь своим счастьем. В этот момент в доме раздается выстрел. Это Лара выстрелила в Комаровского, но попала в другого гостя, Корнакова, товарища прокурора. Юра вызывается оказать врачебную помощь легко раненному Корнакову. Он потрясен тем, что виновницей случившегося оказалась та самая девушка, которую он видел в номерах «Черногория» в обществе адвоката Комаровского. Снова Юра отмечает, как «горделиво хороша» Лара. Юру и Тоню срочно вызывают домой. Анна Ивановна умирает. Тоня в отчаянии, она очень тяжело переживает смерть матери, часами стоит у гроба на коленях. Анну Ивановну хоронят на том же кладбище, что и Марию Николаевну, маму Юры. Юра предчувствует, как «на день, на два исчезнет с семейного и университетского горизонта и в свои заупокойные строки по Анне

Ивановне вставит все, что ему в той минуте подвернется: две-три лучших отличительных черты покойной; образ Тони в трауре; несколько уличных наблюдений по пути назад с кладбища; стирание белья на том месте, где давно когда-то ночью завывала вьюга и он плакал маленьким».

Часть четвертая Назревшие неизбежности

Комаровскому и Кологривовым удается замять дело о выстреле. Лара долго лежит в нервной горячке. Кологривов выписывает Ларе чек на десять тысяч. Поправившись, Лара объявляет Паше, что они должны расстаться, потому что она его не достойна, но при этом так искренне рыдает, что Паша не верит ни одному ее слову. Паша и Лара венчаются. Через десять дней друзья устраивают молодой паре проводы: супруги покидают Москву, уезжая на работу в город Юрятин. Комаровский также является провожать их, просит у Лары позволения навестить их на новом месте. Лара категорически отказывается. Паша в первую брачную ночь, «побывав на вершине блаженства и на дне отчаяния», узнает от Лары все подробности ее отношений с Комаровским. Наутро Паша встает другим человеком, «почти удивляясь, что его зовут по-прежнему».

Идет вторая осень войны. У Юрия Андреевича Живаго и его жены Тони рождается первенец, которого в честь отца Тони решено назвать Александром, Шурой. Юрий Андреевич глубоко взволнован. Ему кажется, что жена похожа на барку, которая «только что произвела высадку новой жизни». К этому времени у Юрия Андреевича большая врачебная практика и репутация блестящего диагноста. Его направляют в действующую армию. Он служит вместе с другом детства Мишей Гордоном.

Паша и Лара Антиповы устраиваются в Юрятине. Лара учительствует, воспитывает трехлетнюю дочь Катю. Павел преподает латынь и древнюю историю. Он очень строго относится к юрятинцам, отмечая их «дикость и невежество». Его собственная начитанность сильно выделяет его из юрятинского общества, он жалуется, что задыхается среди своих сослуживцев. Павел занимается бесконечным самокопанием, ему кажется, что Лара никогда не любила его, вышла за него замуж только ради идеи самопожертвования, любя «свой одухотворенный подвиг». Павел уезжает от семьи в военное училище, «чтобы не быть Ларе в тягость». Лара понимает, что «он не оценил материнского чувства, которое она всю жизнь подмешивает в свою нежность к нему, и не догадывается, что такая любовь больше обыкновенной женской». Антипов уезжает на фронт. Он уже понимает, что неожиданный поворот карьеры — его ошибка. Вскоре Павел пропадает без вести. Лара оставляет дочь в Москве на попечение своей бывшей воспитанницы Липы и отправляется сестрой милосердия на фронт, чтобы разыскать мужа и объясниться с ним.

Бывший подмастерье Юсупка Галиуллин, сын дворника Гамазетдина, дослужился на войне до подпоручика. Он воевал вместе с Антиповым, и именно ему поручили сообщить семье Антипова о его кончине. Но из-за ожесточенных боев Галиуллин никак не может собраться и написать Ларе обстоятельное, подробное письмо о постигшем ее несчастье.

Юрий Андреевич и Галиуллин оказываются на излечении в госпитале города Мелюзеева в одной палате. Лара работает в этом же госпитале сестрой милосердия. Галиуллин не решается рассказать ей всю правду и говорит, что Антипов в плену. Лара сердцем чувствует, что ее обманывают. Юрий Андреевич наблюдает ее волнение. Он узнает в ней девушку, в детстве виденную им в номерах «Черногории», а затем на елке у Свентецких. Он хочет признаться в этом Ларе, но вспоминает мертвую Анну Ивановну и Тоню, и решает промолчать. В это время приходит известие о революции в Петербурге.

Часть пятая Прощанье со старым

В Мелюзееве создаются новые органы самоуправления. На различные должности в них избирают «видавших виды» людей из больших городов, в том числе Юрия

Андреевича Живаго, поручика Галиуллина и сестру Антипову. Живаго и Лара даже живут в одном доме, но в разных комнатах. При все возрастающем мужском интересе Живаго к Ларе они поддерживают строго официальные отношения. Юрий Андреевич даже не знает, где в доме находится комната Лары. Живаго регулярно пишет Тоне. Неожиданно от жены приходит письмо, в котором Тоня советует мужу не возвращаться в Москву, а оставаться на Урале «с этой удивительной сестрою, шествующей по жизни в сопровождении таких знамений и стечений обстоятельств, с которыми не сравнятся ее, Тонинуму, скромному жизненному пути». Юрий Андреевич обескуражен таким ответом, он пишет жене, убеждая ее в том, что она неправильно его поняла, собирается срочно уезжать в Москву. Но дела задерживают доктора. В местечке Зыбушино, неподалеку от Мелюзеева, провозглашается независимая Зыбушинская республика, не признававшая власти Временного правительства. Республика вскоре прекращает свое существование, переходит в разряд легенд, которыми богата эта местность. Одной из самых популярных легенд является легенда о глухонемом, который вдруг заговорил после многих лет молчания. Проездом в Мелюзееве останавливается молодой комиссар фронта Гинц. Гинц «с большим чувством упрекал мелюзеевцев в том, что они так легко поддаются влиянию большевиков, истинных виновников зыбушинских событий». Его перебивают, слушают плохо, народ не доверяет новому комиссару. Его выступления перед казаками кончаются трагически. Во время солдатских волнений он требует выдать зачинщиков бунта, называя их хамами и свиньями. Его стаскивают с импровизированной трибуны, советуют незаметно скрыться. Но ложные понятия о чести не позволяют ему это сделать. Казаки догоняют Гинца. Он вскакивает на бочку с водой лицом к ним. Удивленные таким смелым поступком, вооруженные казаки опускают ружья. Но Гинц неловко переворачивает крышку бочки и проваливается в бочку одной ногой. Казаки встречают это взрывом хохота и от смеху расстреливают Гинца и закалывают его штыками.

Юрий Андреевич решает объясниться с Ларой, чтобы она не питала никаких иллюзий по его адресу. Он принимается говорить о зыбушинских событиях, о том, что «война была искусственным перерывом жизни... революция вырвалась против воли... каждый ожил, переродился... социализм — это море, в которое должны ручьями влиться все эти свои, отдельные революции, море жизни, море самобытности... жизни, творчески обогащенной». Заканчивает доктор фактическим объяснением Ларе в любви. Лара просит его прекратить подобные разговоры. Доктор уезжает в Москву. Он оказывается в одном купе со странным юношей. Юноша говорит очень правильно, но почему-то только при свете. На другой день доктор выясняет, что перед ним — тот самый легендарный зыбушинский глухонемой, который выучился по специальной методике произносить звуки и понимать речь собеседника по движению его горловых мышц. На прощанье попутчик дарит Юрию Андреевичу утку, свой охотничий трофей, который окажется весьма кстати в те голодные времена в Москве.

Часть шестая **Московское становище**

Юрий Андреевич приезжает домой к Тоне. Она с порога просит мужа забыть те глупости, которые она написала ему в письме. Тоня показывает Юрию Андреевичу сына. Испугавшись незнакомого небритого мужчины, ребенок с размаху бьет отца по лицу и громко плачет. Родители чувствуют, что это дурной знак, но наперебой успокаивают и подбадривают друг друга. В течение последующих нескольких дней Юрий Андреевич обнаруживает, насколько он одинок. «Странно потускнели и обесцветились друзья. Ни у кого не осталось своего мира, своего мнения... Пока порядок вещей позволял обеспеченным блажить и чудесить за счет необеспеченных, как легко было принять за настоящее лицо и самобытность эту блажь и право на праздность!.. Но едва лишь поднялись низы и льготы верхов были отменены, как быстро все полиняли, как без сожаления расстались с самостоятельной мыслью, которой ни у кого, видно, и не бывало!»

Даже общение с Гордоном и Дудоровым становится в тягость Живаго. Они стали невнимательнее к нему. Гордон корчит из себя весельчака, что совершенно ему не идет. Станным приезжим выглядит в московском обществе дядя Юрия Андреевича, Николай Николаевич, опекавший его после смерти матери. «Ему льстила роль политического красноречивого и общественного очарователя... Говорили, что в Швейцарии у него осталась новая молодая пассия, недоконченные дела, недописанная книга и что он только окунется в бурный отечественный водоворот, а потом, если вынырнет невредимым, снова махнет в свои Альпы, только его и видали». По поводу возвращения Юрия Тоня и Александр Александрович зовут гостей. Захмелевший Юрий Андреевич произносит за столом речь о времени, в которое ему посчастливилось жить. «Надвигается неслыханное, небывалое... На третий год войны в народе сложилось убеждение, что рано или поздно граница между фронтом и тылом сотрется, море крови подступит к каждому и зальет отсиживающихся и окопавшихся. Революция и есть это наводнение. В течение ее вам будет казаться, как нам на войне, что жизнь прекратилась, все личное кончилось, что ничего на свете больше не происходит, а только убивают и умирают, а если мы доживем до записок и мемуаров об этом времени, и прочтем эти воспоминания, мы убедимся, что за пять или десять лет пережили больше, чем иные за целое столетие... От события такой огромности не требуется драматической доказательности... Мелко копать в причинах циклопических событий. Они их не имеют... Все истинно великое безначально, как сама вселенная... России суждено стать первым за существование мира царством социализма... Наставший порядок обступит нас с привычностью леса на горизонте или облаков над головой».

Юрий Андреевич с головой уходит в заботы о хлебе насущном. Он считает свою среду обреченной и беспомощной, понимает, что «он пигмей перед чудовищной машиной будущего», хотя это будущее любит и втайне им гордится. Живаго поступает доктором в Крестовоздвиженскую больницу. Тоня с отцом переустраивают их огромный дом, отдавая его большую часть Сельскохозяйственной академии, а сами размещаются в трех комнатах, которые едва отапливают с маленькой железной печуркой. Юрий Андреевич посвящает массу времени поискам дров. В один из вечеров в конце октября поднимается метель, которая «в открытом поле с визгом стелется по земле, а в городе мечется в тесном тупике, как заблудившаяся. Что-то сходное творилось в нравственном мире и в физическом». Живаго обгоняет мальчишка-газетчик. Доктор покупает свежее отпечатанный оттиск. Это экстренный выпуск газеты, содержащий правительственное сообщение из Петербурга об образовании Совета народных комиссаров, установлении в России советской власти и введении в ней диктатуры пролетариата. Чтобы дочитать декреты новой власти, Живаго заходит в незнакомый подъезд, где сталкивается с юношей в оленьей шапке, какие носят в Сибири. Молодой человек хочет заговорить с доктором, но не решается. Юрий Андреевич бежит домой, отдает оттиск Александру Александровичу, принимается растапливать печку. При этом он разговаривает сам с собой: «Какая великолепная хирургия! Взять и разом вырезать старые вонючие язвы! Простой, без обиняков, приговор вековой несправедливости... В том, что это так без страха доведено до конца, есть что-то национально близкое, издавна знакомое. Что-то от безоговорочной светоносности Пушкина, от невилляющей верности фактам Толстого... Главное, что гениально? Если бы кому-нибудь задали задачу создать новый мир... он бы обязательно нуждался в том, чтобы ему сперва очистили соответствующее место... А тут, нате пожалуйста. Это небывалое, это чудо истории, это откровение ахнуто в самую гущу продолжающейся обыденщины, без внимания к ее ходу... Так неуместно и несвоевременно только самое великое».

Живаго подрабатывает, ходя по вызовам. Одна из его больных нуждается в срочной госпитализации (у нее тиф), а для этого требуется направление из домкома. Председатель домкома — Ольга Демина, бывшая подруга Лары. Она уступает больной свою пролетку, а сама в сопровождении Юрия Андреевича идет домой пешком. Ольга по дороге вспоминает о Ларе, обещает похлопотать перед новой властью за ее мать, свою бывшую хозяйку.

Ольга звала Лару остаться в Москве, обещала подобрать работу, но та отказалась. Ольга считает, что это глупо, что Лара вышла за Пашу «головой, а не сердцем, с тех пор и шалая». Через некоторое время Живаго заболевает тифом. В бреду ему грезится, что он пишет стихи, о которых давно мечтал. Семья его отчаянно борется с нуждой. Неожиданно из Сибири приезжает сводный брат Юрия Андреевича Евграф. Это его встретил в незнакомом подъезде доктор, когда читал в газете декреты новой власти. Евграф обожает стихи брата, зачитывается ими. Он привозит Живаго продукты и уезжает обратно в Омск. Евграф рекомендует Тоне уехать из Москвы в бывшее имение Тониного деда, фабриканта Крюгера, Варыкино, близ города Юртына. В апреле Живаго всей семьей выезжают за Урал.

Часть седьмая **В дороге**

Семья Живаго добывает себе командировку и с невероятными трудностями занимает свои места в поезде, который пойдет на Урал в течение многих дней. Поезд сборный — есть и пассажирские, и товарные вагоны, теплушки с солдатами, теплушки с набранными в трудовую армию, следующими под конвоем. Среди последних — шестнадцатилетний Вася Брыкин, попавший в трудовую армию случайно (его оставили среди новобранцев родные дядя с тетей, обещавшие вернуться за Васей и не вернувшиеся). Железнодорожные пути заносит снегом. На расчистку путей мобилизуют и трудовармейцев, и вольнолюбующих. Здесь Живаго узнает, что в крае хозяйничает атаман Стрельников, известный своим бесстрашием и неподкупностью. Стрельников «освобождает» район от банд Галиуллина. По дороге несколько «добровольцев», в их числе Вася и конвоир, убегают с поезда.

На одной из станций доктор выходит пройтись вдоль железнодорожного полотна. Его принимают за шпиона и препровождают к самому Стрельникову. Стрельников (или Расстрельников, как зовет его народная молва) — псевдоним Паши Антипова. Стрельников несколько раз вслух повторяет фамилию Живаго, давая понять, что откуда-то знает доктора. «Я предчувствую, что мы еще раз встретимся, и тогда разговор будет другой, берегитесь», — заявляет Стрельников Юрию Андреевичу и отпускает его.